

Геополитические факторы социального и экономического развития Дальневосточного макрорегиона (опыт исследования творческого наследия академика РАН П.Я. Бакланова)

Александр Николаевич ДЕМЬЯНЕНКО
доктор географических наук, профессор, Хабаровск, Россия
ad716008@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8378-6472>

Илдус Файзрахманович ЯРУЛИН
доктор политических наук, профессор, Хабаровск, Россия
iarulin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3067-5290>

Аннотация. В творческом наследии академика П.Я. Бакланова особое место занимают исследования, которые находятся на стыке политической географии и геополитики. Характерная черта этих исследований заключается в том, что непосредственным объектом исследования является Дальневосточный макрорегион, рассматривающийся либо как часть АТР, либо как российское трансграничье. Но всегда в исследовательском фокусе находятся проблемы влияния геополитических факторов на трансформационные процессы в Дальневосточном регионе. Примечательно, что аналитический инструментарий, используемый П.Я. Баклановым, достаточно традиционен и самым непосредственным образом связан с теорией экономического районирования и экономико-географического положения. Другая особенность работ П.Я. Бакланова заключается в том, что, оставаясь географом, он был открыт для идей и инструментария, присущего смежным с географией дисциплинам, в частности, таким как политические науки, мировая экономика, экономическая и политическая история. Особо следует отметить, что большинство работ по проблемам геополитики и политической географии не только отличаются комплексным характером, но и иллюстрируют сплав теории и практики. Несомненный интерес представляет сформулированная П.Я. Баклановым концепция Северной Пацифики, опирающаяся в свою очередь на учение о геосистемах. Не менее интересны идеи П.Я. Бакланова о контактных, прежде всего акватерриториальных, структурах и использование при их выделении бассейнового принципа, а также его подходы к оценке влияния геополитического положения, геополитического потенциала на социально-экономическую динамику регионов различного масштаба. При всем этом П.Я. Бакланов был открыт для дискуссий и никогда не претендовал на то, что обладает истиной в последней инстанции. В конечном итоге, полученные П.Я. Баклановым и его коллегами результаты дают основание говорить о складывающейся в настоящее время Дальневосточной научной школе геополитических исследований, объединяющей политологов, географов, историков и экономистов. В данной статье основное внимание уделено работам П.Я. Бакланова, имеющим непосредственное отношение к геополитике и политической географии.

Ключевые слова: П.Я. Бакланов, геополитика, политическая география, востоковедение, Дальний Восток, Северная Пацифика

Для цитирования: Демьяненко А.Н., Ярулин И.Ф. Геополитические факторы социального и экономического развития Дальневосточного макрорегиона (опыт исследования творческого наследия академика РАН П.Я. Бакланова) // Тихоокеанская география. 2026. № 1. С. 13–26. https://doi.org/10.35735/26870509_2026_25_1.

Geopolitical factors in the development of the Far Eastern macroregion (experience of studying the creative heritage of academician P.Ya. Baklanov)

Alexander N. DEMYANENKO
Doctor of Geographical Sciences, Professor, Khabarovsk, Russia
ad716008@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8378-6472>

Ildus F. YARULIN
Doctor of Political Sciences, Professor, Khabarovsk, Russia
iarulin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3067-5290>

Abstract. In the creative heritage of academician P. Ya. Baklanov, a special place is occupied by his studies at the intersection of political geography and geopolitics. A characteristic feature of these studies is that the direct object of research is the Far Eastern macroregion, considered either as part of the Asia-Pacific region or as a Russian trans-border region. However, the research has always been focused on the influence of geopolitical factors on transformation processes in the Far Eastern region. It is noteworthy that the analytical tools used by P. Ya. Baklanov are quite traditional and are most directly related to the theory of economic zoning and economic-geographical position. Another distinctive feature of the works of P.Ya. Baklanov is that, while remaining a geographer, he was open to the ideas and tools inherent in disciplines related to geography, in particular, political science, world economy, economic and political history. It should be especially noted that most of the works on the problems of geopolitics and political geography are distinguished not only by their complex nature, but also represent a fusion of theory and practice. Of undoubted interest is the concept of the Northern Pacific formulated by P.Ya. Baklanov, which in turn is based on the doctrine of geosystems. No less interesting are the ideas of P.Ya. Baklanov regarding contact structures, primarily aqua-territorial ones, and the use of the basin principle in their identification, as well as his approaches to assessing the influence of the geopolitical position, geopolitical potential on the socio-economic dynamics of regions of various sizes. With all this, P.Ya. Baklanov was open to discussions and never claimed to possess the ultimate truth. Finally, the results obtained by P.Ya. Baklanov and his colleagues give reason to talk about the currently emerging Far Eastern scientific school of geopolitical research, uniting political scientists, geographers, historians and economists. This article focuses on the works of P.Ya. Baklanov, which are directly related to geopolitics and political geography. In the following, it is proposed to consider the influence of geopolitical factors on the formation and dynamics of transborder regions of the Russian Federation and the Far East, first of all.

Keywords: P.Ya. Baklanov, geopolitics, political geography, oriental studies, Far East, North Pacific

For citation: Demyanenko A.N., Yarulin I.F. Geopolitical factors in the development of the Far Eastern macroregion (experience of studying the creative heritage of academician P.Ya. Baklanov). *Pacific Geography*. 2026;(1):13-26. (In Russ.). https://doi.org/10.35735/26870509_2026_25_1.

Введение

В обширном и многогранном творческом наследии академика П.Я. Бакланова (1946–2023 гг.) особое место занимают работы, находящиеся на стыке geopolitics и политической географии. При этом сам Петр Яковлевич по большому счету не очень интересовался тем, где проходит эта междисциплинарная граница, его много больше интересовало то, каким образом международные отношения РФ, прежде всего с сопредельными странами, оказывают влияние на территориально-отраслевую структуру и динамику экономики страны и Дальневосточного макрорегиона в первую очередь. Уже по одной толь-

ко этой причине обзор результатов исследований П.Я. Бакланова по упомянутым выше проблемам, среди которых особо следует выделить проблемы трансграничных регионов Дальнего Востока, следует признать актуальными не только в силу особенностей современной геополитической ситуации, в которой оказалась РФ, но и по причине трудно прогнозируемых изменений в геополитическом ландшафте в Восточной Азии – макрорегиона, частью которого является Дальний Восток России.

Наконец, анализ публикаций, выполненных П.Я. Баклановым и его соавторами, среди которых не только его коллеги по ТИГ ДВО РАН, но и целому ряду других академических институтов и вузов, предоставляет возможность проследить формирование научной школы геополитических исследований, объединяющих политологов, географов, историков и экономистов региона. Естественно, что такой подход к анализу творческого наследия академика РАН П.Я. Бакланова предполагает обращение к работам не только российских, но и зарубежных исследователей, оставивших заметный след в изучении влияния геополитических факторов на становление и последующую эволюцию Дальневосточного макрорегиона.

Материалы и методы

Интересующая нас часть наследия П.Я. Бакланова состоит из публикаций, которые появились в конце 1990 – начале 2000-х гг., когда в отечественной географии происходил парадигмальный сдвиг. Показательно, что С.Б. Лавров, констатируя кризисное состояние отечественной географической науки, полагал, что «Геополитические и этнополитические подходы в новой ситуации – императив» [1, с. 19]. Сам факт появления такого мнения, высказанного президентом Русского географического общества, вовсе не случаен. Именно в этот период происходят системные геополитические изменения. Распад СССР привел к возникновению геополитических разломов, культурно-исторических и межэтнических размежеваний. Эти процессы обусловили потребность в качественных политико-географических исследованиях. Реализация этого запроса осуществлялась в двух направлениях: географы начинают использовать инструментальный и подходы возникшей в стране политической науки, в то же время происходит «политизация» собственно географических исследований.

В этом движении за вовлечения геополитической тематики в сферу интересов социально-экономической географии у П.Я. Бакланова была своя ниша, которую он делил со своими коллегами, прежде всего из ТИГ ДВО РАН, но не только. Эту нишу, или, точнее, область исследований, можно обозначить как изучение влияния геополитических факторов на социальное и экономическое развитие российских регионов, и в первую очередь Дальневосточного макрорегиона [2–16].

Но как бы ни была значима обозначенная выше тема, она была далеко не единственной, ибо нередко П.Я. Бакланов, отталкиваясь от дальневосточной проблематики, выходил на обобщения, имеющие, по-нашему мнению, значение для теории политической географии. Речь идет, в частности, о таких понятиях, как «геополитическое положение», «геополитический периметр» и «геополитический потенциал».

Наконец, еще одна тема, о которой нельзя не упомянуть – это приграничные и трансграничные регионы прежде всего (но не исключительно) Дальнего Востока, проблемы их становления и эволюции, а также методические подходы к их изучению. Но это уже тема отдельной статьи.

В статье кратко описаны и систематизированы политико-географические и геополитические тексты П.Я. Бакланова; проанализированы результаты, полученные П.Я. Баклановым как лично, так и в соавторстве в следующих областях: а) геополитика и политическая география, б) геополитические факторы и их влияние на развитие Дальневосточного макрорегиона, в) трансграничные регионы РФ и Дальнего Востока. Также схематично об-

рисовано состояние исследований по обозначенным выше вопросам в Дальневосточном регионе¹.

Полагаем, что целый ряд теоретических и прикладных результатов, полученных П.Я. Баклановым, имеет дискуссионный характер. Впрочем, сам Петр Яковлевич никогда не считал, что результаты его исследований содержат истину в последней инстанции. По этой причине мы посчитали возможным, анализируя творческое наследие П.Я. Бакланова, там, где это было уместным, вступить с ним в дискуссию.

Результаты и их обсуждение

Дальневосточный макрорегион (если нет специальных оговорок) мы рассматриваем в границах ДФО без Забайкалья и Якутии. Что касается научных центров, ориентированных на исследования взаимодействий Дальнего Востока (ДВ) и сопредельных стран, то таковых по большому счету два: Владивостокский и Хабаровский. Критерий здесь прост: и в Хабаровске, и во Владивостоке сложились исследовательские коллективы, причем не только в академических институтах, но и в вузах, которые не только осуществляют конференционную, но и издательскую деятельность. Издаются не только материалы научных конференций, но и журналы, некоторые из них имеют устоявшуюся репутацию не только в регионе, но известны за пределами нашего отечества, о чем свидетельствует включение их в международные базы данных². Это вовсе не означает, что за пределами этих двух региональных столиц нет исследователей, которые бы не публиковали результаты своих изысканий по обозначенным выше темам. Естественно, что дать объективную оценку вклада П.Я. Бакланова в понимание роли и места геополитических факторов в социально-экономическое развитие ДВ возможно только с учетом современного состояния геополитических и политико-географических исследований в регионе в общероссийском и международном контексте.

О геополитике, политической географии и востоковедении

Необходимо определить, что есть геополитика, политическая география и востоковедение. Если очень коротко³, то геополитика — комплекс представлений о контроле над территорией, о закономерностях распределения и перераспределения сфер влияния центров силы различных государств и межгосударственных объединений. Политическая география — наука, изучающая территориальную дифференциацию политических явлений

¹ В определенной мере творческое наследие П.Я. Бакланова представляет собой кейс, который дает возможность проследить становление дальневосточной школы геополитических исследований и ее взаимоотношение с коллегами как в России, так и за ее рубежами. Показательно, что П.Я. Бакланов неоднократно не только принимал участие в исследовательских проектах, но и был инициатором ряда проектов, имеющих самое непосредственное отношение к изучению влияния геополитических факторов на социально-экономическое развитие России и ДВ: «Трансграничные проблемы стран СНГ» (2003 г.); «Приграничные и трансграничные территории азиатской России и сопредельных стран» (2010 г.); «Приграничное сотрудничество российского Дальнего Востока с Китайской Народной Республикой: маркетинговый анализ и проблемы развития» (2017 г.); «Приграничные и трансграничные территории азиатской России и сопредельных стран» (2018 г.); «Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия» (2018 г.). В этой связи заслуживает внимания и тот факт, что в упомянутых (и не упомянутых) выше исследовательских проектах принимали участие не только географы, но и специалисты из самых различных областей знания, не только из академических институтов и вузов Владивостока и Москвы, но и из многих городов РФ от Калининграда до Петропавловска-Камчатского. Упоминание Москвы не случайно — Петр Яковлевич в свое время окончил МГУ по двум специальностям — география и экономика (становлению П.Я. Бакланова как ученого посвящена статья А.А. Агирречу [17]).

² Отчасти обзор исследований в интересующей нас области дан в статье В.Л. Ларина [18], куда не вошли публикации сотрудников ТИГ (в том числе и П.Я. Бакланова) и ТОГУ (г. Хабаровск). Впрочем, два других, но уже сточных автора считают, что за пределами столицы вообще нет институтов, которые бы занимались ДВ [19, с. 85].

³ О том, что представляет собой геополитика и политическая география, можно судить по [22–31].

и процессов. Не существует геополитики в отрыве от политической географии, как и политической географии без геополитики. Но есть еще одна область научного знания, о которой следует упомянуть – это востоковедение. Представляется, что для П.Я. Бакланова это составные части, элементы политико-географической картины мира.

Однако сразу же отметим, что сугубо теоретических работ ни в области геополитики, ни политической географии у П.Я. Бакланова практически нет. С известной долей условности к их числу можно отнести статью 2003 г. «О категориях современной геополитики» [20], в которой он, говоря о геополитике, выделяет два подхода: прикладной (или практический) и теоретический, отмечая при этом, что второй является не только более сложным, но и менее разработанным. Естественно, что он предпринимает попытку сформулировать понятийный аппарат, который, по его мнению, был бы пригоден для описания геополитической структуры мира. Итак, для целей анализа геополитической картины мира П.Я. Бакланов предлагает следующий набор понятий: «геополитические центры – крупнейшие страны с очень высоким геополитическим потенциалом и глобальными геополитическими интересами»; региональные геополитические центры – «крупные страны с большим геополитическим потенциалом и разнообразными геополитическими интересами, выходящими на крупные регионы». Наконец, это надгосударственные структуры – «военно-политические блоки, экономические группировки, ассоциации стран ...» [20]. Кроме того, к числу элементов геополитической структуры мира, хотя и специфических, П.Я. Бакланов относит «геополитические оси – в виде устойчивого геополитического партнерства двух стран; геополитические треугольники – в виде устойчивого геополитического партнерства трех стран; геополитические границы – в виде устойчивых рубежей влияния отдельных стран их группировок» [там же].

Далее П.Я. Бакланов делает переход от центров силы или влияния на иерархию геополитических пространств: исходный уровень – отдельные страны и их геополитические отношения, средний уровень – макрорегионы, образованные странами, входящими в надгосударственные структуры, со сферами их влияния и, наконец, глобальный уровень, охватывающий геополитические структуры и отношения всех стран мира [20].

Здесь следует упомянуть о том, что на момент публикации статьи П.Я. Бакланова представляла собой отечественная геополитика. Если не вдаваться в детали, то можно согласиться с оценками Н.С. Розова, что «подлинно научных концепций в российской геополитике нет», а была «вакханалия имперской, шовинистической, ксенофобской риторики под видом «геополитики»» [21, с. 130]. На этом фоне попытку П.Я. Бакланова перейти от упомянутой «вакханалии» к научному осмыслению геополитических проблем России можно только приветствовать. Но, как нам представляется, возможно, более важно то, что П.Я. Бакланов рассматривал совокупность геополитических факторов, оказывающих влияние на социально-экономическое развитие ДВ, как проблему, исследование которой требует реализации комплексного подхода. И даже когда он акцентировал внимание читателя на том, что предпринятая им попытка исследования геополитических факторов, точнее, трансграничности и трансграничных регионов, имеет сугубо географический характер, тем не менее уже в работах 2000-х гг. проявляется осознание того, что такого рода проблемы требуют проведения междисциплинарных исследований⁴.

Необходимо отметить одну черту, присущую П.Я. Бакланову: его приверженность комплексному (может быть, точнее – системному) подходу в исследованиях, в том числе и в изучении геополитических проблем.

В последующем П.Я. Бакланов не раз обращался к теоретическим проблемам геополитики, но, как правило, в контексте влияния геополитических факторов на развитие ДВ, то

---

⁴ В свое время один из авторов данной статьи в рецензии на монографию П.Я. Бакланова и С.С. Ганзея отмечал, что знакомство с монографией подводит читателя к осознанию того, что «... трансграничность имеет не только географическое содержание, скорее всего, это область междисциплинарных исследований» [32, с. 171; 33]. Сейчас можно добавить, что эта монография не только о трансграничности, но и о системе геополитических факторов, влияющих на социально-экономическую динамику региона.

есть в рамках подхода, который он сам обозначил как прикладной⁵. Он рассматривал геополитику как своего рода стратегию пространственного развития территории и государства в интересах этого государства. Скорее всего, концепция Северной Пацифики (одним из авторов которой был П.Я. Бакланов) предоставляла, по его мнению, продуктивную теоретическую основу для анализа проблем социально-экономического развития ДВ именно в геополитическом аспекте.

Если предельно кратко: концепция Северной Пацифики в понимании П.Я. Бакланова изложена в ряде работ [5, 32], среди которых особо следует выделить раздел «Тихоокеанская Россия: географические и геополитические предпосылки выделения макрорегиона» в коллективной монографии «Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия» [32]⁶. Она может быть сформулирована следующим образом.

Во-первых, макрорегион Тихоокеанская Россия⁷ вписан в «Северо-Тихоокеанское трансграничное пространство – Северную Пацифику» [32, с. 30]. При этом трансграничность выступает в качестве фактора развития не только Северной Пацифики, но и Тихоокеанской России, «порождая не только непростые вызовы, но и немалые возможности. И прежде всего закладывает объективные предпосылки для международного сотрудничества» [там же]. То есть Северная Пацифика представляет собой как бы первый уровень членения глобального геополитического пространства. Причем, и это важно, мы имеем дело с акватерриториальной пространственной системой. Еще одна важная черта рассматриваемой нами концепции – принципиальный отказ ее автора от поиска каких бы то ни было точных границ Северной Пацифики (см. рис.).

Во-вторых, Тихоокеанская Россия, с точки зрения геополитического положения, – «это еще зона глобальных контактных географических структур»⁸. А выполнение макрорегионом контактных функций «формирует обширные трансграничные зоны экономического и ресурсно-экологического влияния, порождая как общие геополитические интересы, так и противоречия, и проблемы» [32, с. 27]. К этому можно добавить: макрорегион (и ДВ не исключение) может выполнять не только контактные, но и барьерные функции. И тогда на место сотрудничества приходит конфронтация, вплоть до вооруженных конфликтов. Добавить следует и то, что в качестве структурных элементов Северной Пацифики (второй уровень членения геополитического пространства) выступают не государства, а макрорегионы сопредельных стран⁹. Такие как ДВ России, Северо-Восточный Китай, Тихоокеанское побережье США и Канады, Аляска и т.д.

В-третьих, по мнению П.Я. Бакланова, «Важнейшей специфической чертой геополитического положения Тихоокеанской России является вхождение ее отдельных частей в крупные трансграничные регионы — целостные в природно-ресурсном и природно-экологическом отношении географические системы, пересекаемые государственными границами» [32, с. 28]. Здесь явно прослеживается связь с некоторыми предшествующими ра-

---

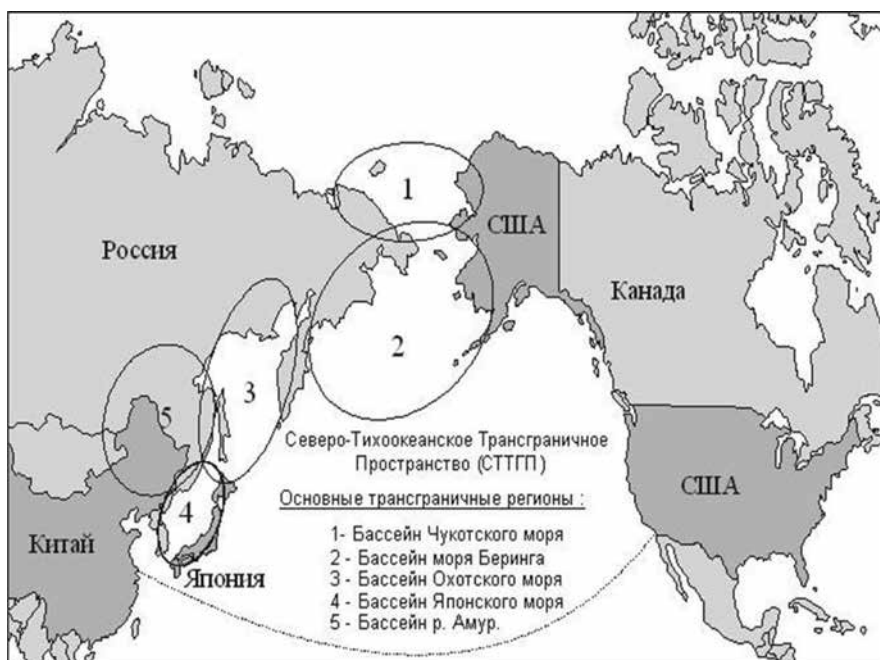
⁵ Наверное, здесь уместно напомнить, что как минимум в последние 20–25 лет активно обсуждается тема «трансформационных исследований», представляющих симбиоз фундаментальных и прикладных исследований, который выражается в том, что фундаментальные, поисковые работы выполняются при ясном понимании практической цели, пусть и отдаленной. Очень может быть, что многие из работ П.Я. Бакланова, можно отнести к числу таковых.

⁶ Здесь следует отметить, что безымянный автор Введения в этой коллективной монографии хотя и указывает на то, что «Поскольку многие разделы являются плодом коллективных усилий, их авторство специально не обозначено» [32, с. 19], авторы данной статьи полагают, что авторство П.Я. Бакланова этого параграфа несомненно.

⁷ Авторы монографии и в том числе П.Я. Бакланов рассматривают Тихоокеанскую Россию, как территорию РФ от Тихого океана до Байкала. По-нашему мнению, эта расширительная трактовка имеет право на существование, если мы будем иметь в виду, что она была в свое время предложена в контексте государственной программы «ДВ и Байкальский регион».

⁸ Подробно о контактных структурах в том числе в СВА в [9, 34].

⁹ В случае с Северной Пацификой в качестве структурных элементов выступают не только макрорегионы, но и страны КНДР и РК.

Рис. Основные трансграничные регионы в Северо-Тихоокеанском трансграничном пространстве [13, 32]

Fig. Main transboundary regions in the North Pacifics transboundary space [13, 32]

ботами (например, [10, 15]), а также использование геосистемного подхода к выделению трансграничных территорий¹⁰.

Уместно отметить, что при выделении трансграничных территорий П.Я. Бакланов последовательно придерживался положения, согласно которому морские и речные бассейны представляют собой геосистемы, т.е. в основу выделения трансграничных регионов был положен бассейновый принцип, хорошо известный в географии.

Следует в краткой форме сформулировать основные направления эволюции отечественной политической географии в постсоветской истории России¹¹. Справедливости ради следует отметить, что нередко крайне сложно разграничить, где кончается геополитика, а где начинается политическая география. Хотя общепринято, что в настоящее время отечественная «политическая география — наука относительно молодая, ее предметное поле продолжает уточняться, а методы исследования совершенствоваться [24, с. 7]¹². Следует также добавить, что, как и в случае с геополитикой, в отечественной политической географии мы наблюдаем и терминологическую неразбериху, и недостаточный уровень концептуализации исследований [22–24, 28, 31].

¹⁰ По мнению П.Я. Бакланова, «Практически все бассейны дальневосточных морей (Чукотского, Берингова, Охотского, Японского), будучи целостными морскими геосистемами (экосистемами), являются трансграничными» [7, с. 28].

¹¹ Политическая география и геополитика существовали в отечественной науке и в ее досоветский период [23], но сам П.Я. Бакланов в своих исследованиях практически не упоминает работы начала XX в.

¹² Зарубежная же политическая география имеет долгую историю, она была частью географии человека с момента возникновения ее как университетской дисциплины, т.е. как минимум с конца XIX века. С известной долей упрощения можно согласиться с мнением, что политическая география – это своеобразный интерфейс между географией и политикой. Но возможен и другой подход – он исходит из признания того, что политическая география исследует круг вопросов на пересечении ключевых географических проблем пространства, территории и места, с одной стороны, и вопросов власти и политики – с другой [31]. А можно определить политическую географию, как субдисциплину об отношениях между пространством и властью [30, с. 1].

Но в начале коротко о взаимоотношениях между двумя системами наук – географией и политологией, включая и геополитику. Уместно привести мнение, согласно которому: «Географические знания занимают центральное место во всех формах политического действия, а значит – и политического анализа. Географическое невежество может оказаться крайне пагубным и для политика, и для эксперта-политолога» [24, с. 16]¹³. Будучи географом, П.Я. Бакланов в полной мере осознавал это и пытался выстраивать механизмы взаимодействия между географией и политической наукой, что прежде всего проявилось в его исследованиях границ, приграничных и трансграничных территорий.

При этом если своего рода мейнстримом в отечественной политической географии было исследование границ, которые в настоящее время все чаще воспринимаются как сложный социальный феномен, формируемый «в результате воспроизводства разграничений разными социальными и политическими силами в ходе их деятельности – социальной практики (bordering)» [22, с. 398], то для П.Я. Бакланова наибольший интерес представляли не столько границы как таковые¹⁴, сколько то, каким образом они влияли на социально-экономическую динамику приграничных и трансграничных регионов, а также на состояние природных геосистем по обе стороны границ.

При рассмотрении геополитических факторов развития территории Дальнего Востока большое значение имеют достижения отечественного востоковедения, без анализа которых трудно понять тот контекст, который не мог не повлиять на выбор П.Я. Баклановым тематики, теоретических оснований и аналитического инструментария. На основе недавних публикаций [21, 35–37], включающих два обстоятельных доклада В.А. Кузнецова, попытаемся кратко дать наше понимание положения дел в современном российском востоковедении. В первом докладе В.А. Кузнецова «...предпринимается попытка определить ключевые тенденции развития российского востоковедного образования и науки» [36, с. 4], во втором – путем интервьюирования ведущих отечественных специалистов в области востоковедения¹⁵ предпринята попытка выявить круг проблем и наметить возможные пути их преодоления. В.А. Кузнецовым достаточно подробно освещен вопрос о специфике российского востоковедения (что имеет принципиальное значение для нашей работы), которая может быть описана следующим образом: а) российское востоковедение «...представляло собой одновременно изучение и зарубежного, и внутреннего российского Востока, который в XX веке уже не воспринимался как Другой, по крайней мере в цивилизационном отношении...» [36, с. 11]; б) отечественные востоковеды не принимали и не принимают участия в дискуссиях, что, естественно, следует из доминирования официальной марксистско-ленинской идеологии в советский период российской истории, но что мешает сейчас, не ясно. Теперь о том, чем занимаются отечественные востоковеды? Как минимум в 20 институтах, занимающихся востоковедческими исследованиями, эти исследования «фокусируются на классическом цикле востоковедческих исследований: истории, археологии, этнологии и филологии» [36, с. 21]. «Если самим востоковедам необходимо, чтобы область их деятельности не исчезла, им придется более тщательно работать над ее методологическими основаниями» [36, с. 26].

---

¹³ Если мы обратимся к положению дел за пределами нашего отечества, то и там мы находим, что «... среди географов и политологов существует тенденция игнорировать или предпочитать не признавать академический вклад друг друга из-за оптики своей собственной дисциплины» [24]. В конечном счете это проявляется в том, что, если для представителей политических наук пространство не более чем контекст для политического действия, то для географов организация пространства является не только ареной, но и ресурсом политического действия.

¹⁴ Как, например, в работах В.А. Колосова [22, 23], в которых предпринята попытка теоретического осмысления феномена границ и дана их типология. В частности, им выделены четыре типа границ: отчуждающие, полупроницаемые, соединяющие и интегративные. Еще один интересный момент в теоретических построениях В.А. Колосова заключается в его исследовании взаимозависимости общественного мнения и внешней политики.

¹⁵ Всего в ходе исследования было проведено «...более 30 интервью с руководителями востоковедных подразделений университетов и научных учреждений из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Екатеринбурга, Улан-Удэ, Владивостока – городов, где сосредоточены ключевые востоковедческие школы» [37, с. 4].

Второй доклад В.А. Кузнецова [37] интересен тем, что он отражает мнение руководителей исследовательских подразделений относительно того, что есть востоковедение. Прежде всего в этой среде сложились три точки зрения по этому вопросу: первая – востоковедение не наука или научная область, а «унаследованная от колониальных времен исследовательская практика, которая в современных условиях, в общем, избыточна: все решаемые востоковедами задачи могут с не меньшим успехом решаться представителями иных наук» [37, с. 5]. Согласно второй точке зрения «востоковедение представляет собой не науку, а научную область, поскольку не обладает ни собственным предметом, ни специфическими методами» [37, с. 5]. И, наконец, есть точка зрения согласно которой «востоковедение – все же наука, но наука комплексная...»¹⁶ [37, с. 5], так как она «стоит на стыке разных дисциплин, где на основе филологии, знания языка, культуры, менталитета народов создается обобщение, которое сочетает в себе методику разных наук – социологии, политологии и т.д.» [37, с. 5, 6].

Здесь авторам в пору выказать свое мнение: Восток, конечно, дело – тонкое, но согласиться с тем, что «Задача изучения Востока силами востоковедов будет неизменно актуальной до тех пор, пока в мире сохраняется дихотомия «коллективный Запад» – «коллективный Восток»» [36, с. 26], нам крайне сложно, как и с тем, что «Лингвистика, язык, литература – это основа востоковедения ...» [37, с. 6]. Нам представляется, что не менее значимыми для понимания той или иной страны, в том числе и тех, которые по тем или иным критериям относят к Востоку¹⁷, или как в случае с Россией, которая имеет в своем составе Восток (хотя и Дальний), являются как минимум географические, политические и экономические знания. То есть мы считаем, что востоковедение, как оно сложилось в нашем отечестве, не более чем то, что традиционно обозначают как страноведение, при этом, говоря о страноведении, мы имеем в виду не государства, а сложные пространственные системы, границы которых лишь отчасти совпадают с государственными границами. Кстати, не раз упоминавшаяся выше Северная Пацифика – хороший пример «страны» без государственных границ, но имеющей вполне внятные физико-географические и геополитические основания. При этом Северная Пацифика, если стоять на позиции отечественного востоковедения, – это одновременно и Восток, и не Восток. И тогда все тот же П.Я. Бакланов, как и его соавторы, по большей части сотрудники ТИГа, – и востоковеды, и даже совсем не востоковеды. О состоянии востоковедения (прежде всего китаеведения, пожалуй, самой востребованной составляющей отечественного востоковедения) в Дальневосточном регионе дают представление публикации В.Л. Ларина [18] и А.В. Виноградова и А.И. Кобзева [19].

Итак, что мы имеем в сухом остатке? В обоих текстах В.И. Кузнецова, во-первых, демонстрация верности традициям, то есть уверенность в том, что востоковедение – это исследования, посвященные истории, культуре, философии, религии и филологии Востока; во-вторых, востоковедение на Дальнем Востоке и китаеведение в России находятся в очевидном упадке. Опустим детали¹⁸ и переходим к выяснению причин, их множество,

---

¹⁶ Относительно комплексности востоковедения интересно замечание А.М. Кузнецова: «Простая декларация комплексности не может подменить эту (речь идет о методологии – А.Д. и И.Я.) сложную, но необходимую область исследований, а тем более обеспечить подлинную фундаментальность данной науки ...» [35, с. 166].

¹⁷ В литературе встречается разделение на истинный Восток и ««ориентализированные» области, в которых «чувствуется Восток». Во-первых, Балканы с их православным и мусульманским населением и с историей подчинения османскому владычеству. Во-вторых, южные оконечности Италии и Франции: Сицилия, Сардиния, Корсика, балансирующие на грани принадлежности к Европе ... Есть государства, испытавшие на себе восточные влияния (например, Испания). Наконец, существует огромный и страшный Восток Европы — то есть мы» [38, с. 635]. Что уж тут говорить об Азиатской России и Дальнем Востоке в частности.

¹⁸ Все-таки на одну из них следует обратить внимание: «... для дальневосточного востоковедения как области научных знаний характерны раздробленность и местечковость» [18, с. 97]. Об этом же, но другими словами пишут А.В. Виноградов и А.И. Кобзев: «На Дальнем Востоке и в Сибири есть профессиональные китаеведы, но говорить о формировании научно-исследовательских центров и научных школ всероссийского уровня еще, вероятно, не приходится, это задача 20–30 лет и двух-трех поколений, как и положено для научной школы» [19, с. 83-4].

но главные две: первая: «... главная компонента для успешного развития этой весьма специфической и недешевой отрасли науки – заказ со стороны государства, понимание и поддержка со стороны федерального центра и местных органов власти» [18, с. 98], и эта причина вполне понятна, как и пути преодоления. А вот вторая – заслуживает больше внимания из-за ее экстравагантности. Суть ее заключается в том, что в востоковедение и в китаеведение в том числе пришли невостоковеды и некитаеведы, то есть ученые со степенями (добавим от себя: и без таковых), то есть исследователи, которые не получили востоковедческого образования, но являются специалистами в области международных отношений, экономики, социологии, наконец, географии и т.д. И это при том, что «Достоинство некиитаистов в том, что они могут и ставят крупные, фундаментальные проблемы, способствующие сближению проблематики обществоведения и китаеведения, которое по-страноведчески остается научно периферийным. Китаеведение до сих пор не имеет большой теории, как и другое страноведение, выглядит полуприкладным знанием, питательной средой для больших теорий» [19, с. 85].

Осталось только сказать, что П.Я. Бакланов ни коим образом не позиционировал себя ни в качестве китаеведа, ни в качестве востоковеда – он был экономистом-географом, который не раз и не два обращался к исследованию геополитических проблем, в фокусе которых практически всегда находился российский Дальний Восток.

На этом мы заканчиваем свой краткий обзор и переходим к подведению предварительных выводов. В своих исследованиях П.Я. Бакланов, как географ, всегда стремился выявить в разных науках (востоковедение, история, культурологи и др.) элементы, которые могут быть полезны для теоретического осмысления геополитических процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Тихоокеанской России. Комплексный географический подход позволил П.Я. Бакланову в сложных социальных, экономических и политических процессах и явлениях, разворачивающихся в регионах мира, выделить пространственные закономерности процессов формирования геополитических структур, связей и отношений.

Предварительные выводы

П.Я. Бакланов, как представляется, стоял на позиции, согласно которой политическая география как научная дисциплина, изучающая пространственные аспекты человеческой деятельности, должна анализировать пространственные системы в их связи с организацией власти, в контексте постоянно меняющихся процессов глобализации / деглобализации, подчинения / сотрудничества.

В настоящее время политическая география переживает значительное совершенствование своего аналитического инструментария в целях большей концептуализации исследований. В частности, это относится к исследованиям П.Я. Бакланова, имеющим отношение к оценке влияния места и соседства в политических процессах на местном, национальном и глобальном уровнях. И несмотря на то, что П.Я. Бакланова по большей части интересовали Дальний Восток России и Северная Пацифика, а сам он был географом, результаты его исследований не только демонстрируют возможные направления взаимодействия политической географии, геополитики и геоэкономики, но имеют как теоретическое, так и прикладное значение.

В одной из своих последних публикаций (в соавторстве с В.Л. Лариным) П.Я. Бакланов предельно четко формулирует задачу будущим исследователям: «Осознание совпадающих интересов еще не гарантирует их реального совмещения. Недостаточно и политической воли с обеих сторон. Тут не обойтись без фундаментальной науки. Назрело и даже перезрело создание научно обоснованной стратегии приграничного взаимодействия России с Китаем» [16, с. 14].

С этим трудно не согласиться. Действительно взаимодействие между РФ и КНР требует научно обоснованной стратегии, но на наш взгляд [39, 40], как бы ни были значимы в

настоящее время российско-китайские отношения, проблема шире – требуется геополитическая концепция Дальнего Востока. Скорее всего, при разработке такого рода концепции следует иметь в виду исследовательский подход, получивший название «геополиномии», являющийся логическим развитием прежних представлений о взаимосвязи географии и политики¹⁹. При постановке вопроса о геополитической концепции, о влиянии геополитических факторов на региональное развитие следует иметь в виду, что необходим «мост» между академическим сообществом и политиками.

Литература

1. Лавров С.Б. В поисках новой парадигмы // Географические проблемы конца XX века. СПб.: РГО, 1998. С. 5–20.
2. Бакланов П.Я. Географические и геополитические факторы в региональном развитии // Региональные исследования. 2014. № 2. С. 4–10.
3. Бакланов П.Я. Тихоокеанская Россия: географические и геополитические факторы развития // Известия РАН. Серия географическая. 2015. № 5. С. 8–19.
4. Бакланов П.Я. Географические и геополитические факторы в региональном развитии // Вопросы географии. Сб. № 141. Проблемы регионального развития России. М.: Кодекс, 2016. С. 166–175.
5. Бакланов П.Я. Геополитические факторы в региональном развитии // Таможенная политика на Дальнем Востоке. 2020. № 4. С. 75–83.
6. Бакланов П.Я. Устойчивое развитие приморских регионов: географические и геополитические факторы и ограничения // Балтийский регион. 2022. № 1. С. 4–16.
7. Бакланов П.Я. Географические и геополитические факторы в пространственном развитии приморских регионов // Социально-экономическая география в XXI веке: новые реалии и практические возможности: материалы междунар. науч.-практ. конф. Минск: БГУ, 2022. С. 26–28.
8. Бакланов П.Я. Геополитический периметр России: европейские и азиатские сегменты // Современная Евразия: общественно-географический анализ. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2023. С. 13–15.
9. Бакланов П.Я. Пространственные структуры и территориальные системы в региональном развитии. Избранное. Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 2024. 464 с.
10. Бакланов П.Я., Винокуров В.И., Снытко В.А., Тулохонов А.К., Чибилев А.А. Географические и геополитические проблемы устойчивого развития приграничных районов азиатской России // Трансграничные проблемы стран СНГ. М.: Опус, 2003. С. 138–151.
11. Бакланов П.Я., Мошков А.В., Романов М.Т. Географические и геополитические факторы и направления долгосрочного развития Арктической зоны России // Вестник ДВО РАН. 2015. № 2. С. 5–15.
12. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. Владивосток: Дальнаука, 2009. 167 с.
13. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Геополитические факторы развития трансграничных регионов // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2010. № 2 (51). С. 60–71.
14. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Геополитическое положение тихоокеанской России в начале XXI века // Ученые записки ЗабГУ. 2014. № 1. С. 89–98.
15. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Геополитическое положение как фактор регионального развития // Гео-системы Дальнего Востока России на рубеже XX–XXI веков: в 3 т. Т. 3. Территориальные социально-экономические структуры. Владивосток: Дальнаука, 2012. С. 137–147.
16. Бакланов П.Я., Ларин В.Л. Дальневосточные районы РФ в современном российско-китайском взаимодействии // Мировая экономика и международные отношения. 2023. № 6. С. 5–16.
17. Агирречу А.А. Учеба П.Я. Бакланова в Московском университете // Материалы XVII научного совещания географов Сибири и Дальнего Востока (г. Иркутск, 9–14 сентября 2024 г.). Иркутск: Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2024. С. 46–52.
18. Ларин В.Л. Современное востоковедение Тихоокеанской России (на подходе к 125-летию юбилею) // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2024. Т. 44. С. 78–101.
19. Виноградов А.В., Кобзев А.И. Российское китаеведение: современное состояние и основные проблемы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14, № 6. С. 73–91.

---

¹⁹ Дж. Демко и У. Вудз следующим образом сформулировали суть этой концепции: «Геополиномика ... представляет собой взаимодействие между функциональными экономическими и политическими регионами, которые нелегко увидеть на простых картах мира, висящих на стенах министерств иностранных дел. Тем не менее такие «скрытые» регионы часто более «реальны», чем те, которые обозначены государственными границами, поскольку они обеспечивают пространственную структуру для самых фундаментальных транзакций, между производителями и потребителями» [31, с. 15].

20. Бакланов П.Я. О категориях современной геополитики // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2003. № 2. С. 7–16.
21. Розов Н.С. Геополитика как наука: отменить нельзя развивать // Полития. 2016. № 3. С. 130–148.
22. Колосов В.А., Зотова М.В., Туров Н.Л. Геополитика и политическая география в России: основные направления, теоретические подходы и особенности // Известия РАН. Серия географическая. 2022. Т. 86, № 3. С. 393–415.
23. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2001. 479 с.
24. Политическая география: Современная российская школа: Хрестоматия / Сост. И.Ю. Окунев, М.Н. Шестакова. М.: Аспект Пресс, 2022. 544 с.
25. Cohen S.B. Geopolitics. The Geography of International Relations. Third edition. Rowman & Littlefield 2015. 504 p.
26. Dlec J. Major Trends in Russian Geopolitics After 1991 // Politeja. 2019. N 5. P. 141–160.
27. Flint C. Introduction to geopolitics Fourth edition. N.Y.: Routledge, 2022. 324 p.
28. Flint C., Taylor P.J. Political geography: world-economy, nation-state, and locality. N.Y.: Routledge, 2018. 390 p.
29. Park J. Rethinking Geopolitics: Geography as an Aid to Statecraft // Texas National Security Review. 2023. Vol. 6, N 4. P. 79–100.
30. Rethinking geopolitics / eds S. Dalby, G. Ó Tuathail. Routledge, Taylor & Francis: New York; London, 2002. 352 p.
31. Wood W.B., Demko G.J. Introduction: Political Geography for the Next Millennium // Reordering the World. Geopolitical Perspectives on the 21st Century: Second Edition / eds G. J. Demko, W. B. Wood. Westview Press, Boulder, Colorado, 1999. P. 3–18.
32. Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / Под ред. В.Л. Ларина. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. 386 с.
33. Демьяненко А.Н. Устойчивое природопользование на трансграничных территориях: вопросы теории и практики (о книге П.Я. Бакланова и С.С. Ганзея «Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования») // Пространственная экономика. 2009. № 3. С. 159–171.
34. Бакланов П.Я. Контактные географические структуры и их функции в северо-восточной Азии // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2000. № 1. С. 31–39.
35. Кузнецов А.М. Заметки «постороннего» о XIV съезде востоковедов России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 1. С. 163–170.
36. Кузнецов В.А. Российское востоковедение: вызовы и перспективы развития в новой реальности. М.: МГИМО-Университет, 2023. 32 с.
37. Кузнецов В.А. Российское востоковедение 2024: оценки профессионального сообщества. М.: МГИМО-Университет, 2024. 26 с.
38. Крылов К. Итоги Саида: жизнь и книга // Саид Э. Ориентализм. СПб.: Русский мир, 2006. С. 598–637.
39. Демьяненко А.Н. Геополитические факторы развития Дальневосточного макрорегиона // Материалы XVII научного совещания географов Сибири и Дальнего Востока (г. Иркутск, 9–14 сентября 2024 г.). Иркутск: Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2024. С. 53–56.
40. Демьяненко А.Н., Ярулин И.Ф. Геополитические факторы устойчивого развития Дальневосточного макрорегиона // Геосистемы Северо-Восточной Азии: природные, социальные и хозяйственные системы. Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 2025. С. 13–20.

References

1. Lavrov, S.B. In Search of a New Paradigm. In *Geographical Problems of the End of the Twentieth Century*. RGS: SPb, Russia, 1998, 5-20. (In Russian)
2. Baklanov, P.Ya. Geographical and Geopolitical Factors in Regional Development. *Regional Studies* 2014, 2, 4-10. (In Russian)
3. Baklanov, P.Ya. Pacific Russia: Geographical and Geopolitical Factors of Development. *Izvestiya Rossiyskoi Akademii nauk. Seriya Geographicheskaya*. 2015, 5, 8–19. (In Russian)
4. Baklanov, P.Ya. Geographical and Geopolitical Factors in Regional Development. In *Questions of Geography. Collection 141. Problems of Regional Development of Russia*. Kodeks: Moscow, Russia, 2016, 166-175. (In Russian)
5. Baklanov, P.Ya. Geopolitical factors in regional development. *Customs policy of Russia in the Far East*. 2020, 4, 75-83. (In Russian)
6. Baklanov, P.Ya. Sustainable development of coastal regions: geographical and geopolitical factors and constraints. *Baltic region*. 2022, 1, 4-16. (In Russian)
7. Baklanov, P.Ya. Geographical and geopolitical factors in the spatial development of coastal regions. In *Socio-economic geography in the 21st century: new realities and practical opportunities*. BSU: Minsk, 2022, 26-28. (In Russian)

8. Baklanov, P.Ya. Geopolitical perimeter of Russia: European and Asian segments. In *Modern Eurasia: socio-geographical analysis*. Baikal Scientific Center, SB RAS: Ulan-Ude, Russia, 2023, 13-15. (In Russian)
9. Baklanov, P.Ya. Spatial structures and territorial systems in regional development. Selected works. PGI FEB RAS: Vladivostok, Russia, 2024; 464 p. (In Russian)
10. Baklanov, P.Ya.; Vinokurov, V.I.; Snytko, V.A.; Tulokhonov, A.K.; Chibilev, A.A. Geographical and geopolitical problems of sustainable development of border regions of Asian Russia. In *Transboundary problems of the CIS countries*. Opus: Moscow, Russia, 2003, 138-151. (In Russian)
11. Baklanov, P.Ya.; Moshkov, A.V.; Romanov, M.T. Geographical and geopolitical factors and directions of long-term development of the Arctic zone of Russia. *Vestnik of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2015, 2, 5-15. (In Russian)
12. Baklanov, P.Ya.; Romanov, M.T. Economic-geographical and geopolitical situation of the Pacific region of Russia. Dalnauka: Vladivostok, Russia, 2009; 167 p. (In Russian)
13. Baklanov, P.Ya.; Romanov, M.T. Geopolitical factors of development of cross-border regions. *Customs policy of Russia in the Far East*. 2010, 2 (51), 60-71. (In Russian)
14. Baklanov, P.Ya.; Romanov, M.T. Geopolitical position of Pacific Russia at the beginning of the 21st century. *Uchenye zapiski of Transbaikal state university*. 2014, 1, 89-98. (In Russian)
15. Baklanov, P.Ya.; Romanov, M.T. Geopolitical position as a factor in regional development. In *Geosystems of the Russian Far East at the turn of the 20th-21st centuries: in 3 volumes*. Vol. 3. Territorial socio-economic structures. Dalnauka: Vladivostok, Russia, 2012, 137-147. (In Russian)
16. Baklanov, P.Ya.; Larin, V.L. Far Eastern regions of the Russian Federation in modern Russian-Chinese interaction. *World Economy and International Relations*. 2023, 6, 5-16. (In Russian)
17. Agirrechu, A.A. P.Ya. Baklanov's studies at Moscow University. In *XVII scientific meeting of geographers of Siberia and the Far East*. Dedicated to the 50th anniversary of the BAM and the memory of academician P.Ya. Baklanov. V.B.Sochava Institute of Geography SB RAS: Irkutsk, Russia, 2024, 46-52. (In Russian)
18. Larin, V.L. Modern Oriental Studies of Pacific Russia (approaching the 125th Anniversary). In *Works of the Institute of History, Archeology and Ethnography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2024, Vol. 44, 78-101. (In Russian)
19. Vinogradov, A.V.; Kobzev, A.I. Russian Sinology: Current State and Main Problems. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2021. Vol. 14, 6, 73-91. (In Russian)
20. Baklanov, P.Ya. On the Categories of Modern Geopolitics. *Izvestiya Rossiyskoi Akademii nauk. Seriya Geographicheskaya*. 2003, 2, 7-16. (In Russian)
21. Rozov, N.S. Geopolitics as a Science: to abolish or to develop. *Polity*. 2016, 3, 130-148. (In Russian)
22. Kolosov, V.A.; Zotova, M.V.; Turov, N.L. Geopolitics and political geography in Russia: main directions, theoretical approaches and features. *Izvestiya Rossiyskoi Akademii nauk. Seriya Geographicheskaya*. 2022, Vol. 86, 3, 393-415. (In Russian)
23. Kolosov, V.A.; Mironenko, N.S. Geopolitics and political geography. Aspect Press: Moscow, Russia, 2001; 479 p. (In Russian)
24. Political geography: The Modern Russian school: A Reader / Comp. Okunev, I.Yu.; Shestakova, M.N. Aspect Press: Moscow, Russia, 2022; 544 p. (In Russian)
25. Cohen, S.B. Geopolitics. The Geography of International Relations. Third edition. Rowman & Littlefield. 2015; 504 p.
26. Dlec, J. Major Trends in Russian Geopolitics After 1991. *Politeja*. 2019, 5, 141-160.
27. Flint, C. Introduction to geopolitics. Fourth edition. Routledge: New York, USA. 2022; 324 p.
28. Flint, C.; Taylor, P.J. Political geography: world-economy, nation-state, and locality. Routledge: New York, USA. 2018; 390 p.
29. Park, J. Rethinking Geopolitics: Geography as an Aid to Statecraft. *Texas National Security Review*. 2023, Vol.6, 4, 79-100.
30. Rethinking geopolitics /eds. S. Dalby, G. Ó Tuathail. Routledge, Taylor & Francis: New York-London, 2002; 352 p.
31. Wood, W.B.; Demko, G.J. Introduction: Political Geography for the Next Millennium. In *Reordering the World. Geopolitical Perspectives on the 21st Century: Second Edition* / eds. G. J. Demko, W. B. Wood. Westview Press: Boulder, Colorado, 1999, 3-18.
32. Pacific Russia in the integration space of the North Pacific at the beginning of the 21st century: experience and potential of regional and cross-border interaction. IHAЕ FEB RAS: Vladivostok, Russia, 2017; 386 p. (In Russian)
33. Dem'yanenko, A.N. Sustainable nature management in transboundary territories: issues of theory and practice (about the book by P.Ya. Baklanov and S.S. Ganzel «Transboundary territories: problems of sustainable nature management»). *Spatial economy*. 2009, 3, 159-171. (In Russian)
34. Baklanov, P.Ya. Contact geographical structures and their functions in north-east Asia. *Izvestiya Rossiyskoi Akademii nauk. Seriya Geographicheskaya*. 2000, 1, 31-39. (In Russian)
35. Kuznetsov, A.M. Notes of an «outsider» about the XIV Congress of Russian Orientalists. *Oikumena. Regional Studies*. 2025, Vol. 19, 1, 163-170. (In Russian)
36. Kuznetsov, V.A. Russian Oriental Studies: Challenges and Prospects for Development in the New Reality. MGIMO: Moscow, Russia, 2023; 32 p. (In Russian)

37. Kuznetsov, V.A. Russian Oriental Studies 2024: Assessments of the Professional Community. MGIMO: Moscow, Russia, 2024; 26 p. (In Russian)
38. Krylov, K. Said's Results: Life and Book. In *Said E. Orientalism*. Russkiy mir: SPb. Russia, 2006, 598-637. (In Russian)
39. Dem'yanenko, A.N. Geopolitical factors of development of the Far Eastern macroregion. In *XVII scientific conference of geographers of Siberia and the Far East*. V.B.Sochava Institute of Geography SB RAS: Irkutsk, Russia, 2024, 53-56. (In Russian)
40. Dem'yanenko, A.N.; Yarulin, I.F. Geopolitical factors of sustainable development of the Far Eastern macroregion. In *Geosystems of North-East Asia: natural, social and economic systems*. PGI FEB RAS: Vladivostok, Russia. 2025, 13-20. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 4.06.2025; одобрена после рецензирования 18.09.25; принята к публикации 14.10.2025.

The article was submitted 4.06.2025; approved after reviewing 18.09.2025; accepted for publication 14.10.2025.

